

У Боброва тень Назона вещает поэту:

... как звук вод некий
Иль шум тополовых листов.

Наконец, в том же 1823 г., когда создавалась первая глава «Онегина» и обдумывались «Цыганы», Пушкин признается в «краже» одной строки из сочинений Боброва: «Меня ввел во искушение Бобров: он говорит в своей „Тавриде“: *Под стражею скопцов гарема. Мне хотелось что-нибудь у него украсть, а к тому же я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения, но по привычке пишу иначе*».⁹¹

Однако все эти реминисценции, как ни важны они сами по себе, не исчерпывают связей Пушкина с Бобровым. Особенно важен тот факт, что принципиальные для Пушкина рассуждения о языке литературы связаны для него с именем Боброва.

Можно прежде всего предположить здесь какую-то полемику со статьей Кюхельбекера в «Благонамеренном» в декабре 1822 г., автор которой, в общем сочувственно отнесясь к творчеству Боброва, отметил, наряду с недостатком вкуса, неблагородство и цинизм некоторых выражений.⁹² Несомненно в связи с недовольством поэта «жеманством» и «утонченностью» литературы находятся его языковые поиски в «Братьях разбойниках». Пушкин не преминул сам отметить основную особенность языка поэмы: «... если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц „Полярной звезды“, то напечатай его (отрывок из «Братьев разбойников», — М. А.)».⁹³ Именно с этой точки зрения защищает он свое произведение от замечаний Вяземского: «... как слог, я ничего лучше не написал».⁹⁴

И позднее, довольный своим «Годуновым», в озорном по-пушкински письме он говорит о грубости языка трагедии как о его несомненном достоинстве: «Какого вам „Бориса“ и на какие лекции? в моем „Борисе“ бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу».⁹⁵

Не удивительно поэтому, что в пору своей наибольшей зрелости Пушкин вновь обращается к творчеству Боброва. Исследователи отмечали несомненную связь вступления к «Медному

⁹¹ Пушкин, т. X, стр. 76.

⁹² «Благонамеренный», 1822, № 12, стр. 463—464.

⁹³ Письмо А. А. Бестужеву 13 июня 1823 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 62.

⁹⁴ Письмо П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 67.

⁹⁵ Письмо П. А. Плетневу 7 марта 1826 г. — В кн.: Пушкин, т. X, стр. 204.